

СОЗДАТЕЛЬ ИГОЛЬЧАТОГО ЭКРАНА

Рос. Вестн. - 2005 - 21 окт. - с. 23

«Александр Алексеев относится к такому разряду художников, которого всегда можно узнать, но подражать ему невозможно. У него - свой неповторимый взгляд. Его искусство, как искусство Веласкеса, Вермеера Дельфтского, окутано тайной, которая не подлежит разгадке.»

период между первой и второй мировой войной, как известно, был буквально усыпан звездами первой величины. Одно объединение «Мир Искусства», почти в полном составе перебравшееся в столицу Франции, способно было затмить любой талант. Но Алексеевское прочтение Пушкина, Гоголя, Эдгара По заставило обратить на него более чем серьезное внимание.

Потому что он, как точно подметил Шемякин, умел владеть какой-то тайной. В своих черно-белых иллюстрациях он мог схватить какой-то нерв произведения. Казалось, его картинки жили по каким-то другим, кинематографическим законам. Как однажды сказал наш великий дирижер и знаток книжной иллюстрации Геннадий Николаевич Рождественский, листая книгу с иллюстрациями Алексеева, постепенно начинаешь думать, что смотришь кино.

Кино действительно впоследствии завладело Алексеевым. Но и там, на чужих берегах, во Франции и в Америке, он продолжал служить своей стране. Без громких пафосных слов он достигал вершин, прежде всего опираясь на произведения русской классики.

Именно так получилось и с его анимационными, или, проще говоря, мультипликационными фильмами, созданными по мотивам гениальных прозрений Мусоргского «Ночь на Лысой горе» и «Картинки с выставки». Их, конечно, надо видеть. Дымчатые, стремительные силуэты, растворявшиеся в изломанных ритмах Мусоргского, впечатление производят шоковое. Недаром своим главным учителем Алексеева называют Юрий Норштейн и наш лауреат «Оскара» Александр Петров.

«Я думаю, что искусство только тогда является искусством, когда оно содержит в себе открытие. Что-то вроде открытия Таити. Иначе художник становится ремесленником, когда он наперед знает, что будет делать. Что касается меня, то я ушел в анимацию

из книжной гравюры потому, что в возрасте тридцати лет почувствовал, что все больше становлюсь ремесленником, знающим, что он будет делать, уже имеющий репертуар своих «трюков», своих концепций книжной иллюстрации или гравюры. Тогда как о кино я не знал ничего», - говорил Алексеев в одном из последних интервью на склоне лет в Париже. Слава его тогда была огромной, и он с удовольствием рассказывал о себе репортерам.

Действительно, он никогда не мог остановиться на чем-то одном. Казалось бы, после успеха вышедших в конце тридцатых годов с его иллюстрациями «Братьев Карамазовых», «Повестей Белкина» и «Записок сумасшедшего» он мог спокойно жить дальше.

До сих пор эти работы, и особенно иллюстрации к «Братьям Карамазовым», считаются шедеврами. Угловатые фигуры, тени, фантастическая игра света, когда кошмары и бред становятся реальностями жизни, - все это он сумел воплотить в полной мере. Сцены скандалов Смердякова, сделанные словно в опрокинутом кадре, или, как писал знаменитый французский филолог-славист Жорж Нива, выписанный словно «рентгеном» образ бюстополучателя закона, в черных перчатках и очках, в лучах света. А речь прокурора рисует перед нами картину грядущего террора.

Мы видим картины гражданской войны, поджог коммунарами дворца Тюильри, обелиск, словно меч, разрубающий готовый рухнуть дворец. Как поразительно современны бывают истинные, подлинные произведения искусства.

Впоследствии Алексеев снова вернется к книжной графике и создаст еще несколько своих шедевров - иллюстрации к «Анне Карениной» и «Доктору Живаго». Сын великого поэта и бессменный публикатор его творчества, Евгений Борисович Пастернак рассказывал, что незадолго до смерти его отец, уже затравленный шабашем в связи с романом и Нобелевской премией, взял в

руки «Доктор Живаго», изданный во Франции с иллюстрациями Алексеева, сказал, что мечтает, когда эти иллюстрации наконец увидят в России.

Примерно в то же время Алексеев создал другой свой шедевр, оформив «Анну Каренину». Скользкий, холодный мир чиновничьего Петербурга, погубивший Анну, был воссоздан им с удивительной ясностью и четкостью.

И все же наибольшую известность во всем мире Алексеев получил как изобретатель игольчатого экрана. Творения, во многом определившие компьютерную графику - стержня духовного развития современной художественной жизни и дизайна.

Как и все гениальное, на пер-

благодаря чему и создавалось изображение, очень напоминавшее гравюру. Именно в этой «гравюрно-офортовой» технике и снял Алексеев свои невиданные до тех пор анимационные фильмы.

И все же вряд ли его имя было бы широко известно в России, если бы не племянница Алексеева Елена Федотова, долгое время жившая в Уфе, а ныне одна из главных организаторов изданий и вечеров памяти мастера в Санкт-Петербурге. С ее легкой руки Алексеевым «зажглось» питерское издательство «Вита Нова», недавно выпустившее два роскошных тома «Братьев Карамазовых», естественно, с Алексеевскими иллюстрациями. Оно же опубликовало небольшую, но прекрасно подготовленную книгу «Александр Алексеев: Диалог с книгой», откуда мы и взяли цитаты из статьи Михаила Шемяки-

Иллюстрация А. Алексеева к «Братьям Карамазовым».

вый взгляд, это было очень просто. Экран представлял собой большое количество подвижных иголок, укрепленных на большой белой подвижной доске и отбрасывающих на нее тень в виде штрихов. И при надавливании на ту или иную часть поверхности длина штрихов увеличивалась,

на. Там же можно прочесть воспоминания тех, кто знал художника, в том числе и дочери Алексеева, а также статьи самых известных киноведов и искусствоведов мира, посвященные великому иллюстратору и аниматору, умершему в 1982 году в Париже и так тосковавшему по России.

Александр Алексеев
Алексеев

Вроде бы все просто, все четко, все ясно, нет никакой умышленной и натужной деформации, карикатурности. Но все - глубоко индивидуально, все принадлежит только одному творческому лицу».

Так недавно писал Михаил Шемякин. Один из немногих наших современников, кто дружил с Александром Александровичем Алексеевым, великим художником, аниматором, иллюстратором книг, автором изобретения, во многом определившего художественный стиль только что ушедшего столетия.

Как ни странно, этого мастера, члена Французской кинематографической Академии, лауреата дипломов, полученных на венецианском биеннале, художника, которого многие самые известные искусствоведы, не стесняясь, называли гениальным, все-таки в России, на его Родине, знают мало. Хотя постепенно вся мощь его фигуры и его таланта входят в духовное пространство отечественной культуры.

Еще в 1920-м, в трюме корабля, уходившего из Владивостока, набитом беженцами из России, Алексеев, тогда еще совсем юный воспитанник кадетского корпуса, не расставался с блокнотом и острый карандаш. Даже тогда он уже умел передать небольшими набросками черно-белую гамму переживаний героев своих портретов. Благо, поводов для горестных мыслей у русских изгнанников было более чем достаточно.

Потом впоследствии, когда в Париже появились первые книги с иллюстрациями Алексеева, на него сразу обратил внимание сам Александр Бенуа. Небосклон русского художественного Парижа в